

А. Ослон

Опыт пригородной Америки для городской России

Читая книгу А.В. Никифорова “Рождение пригородной Америки”*

Предварительные замечания

Данные опросов населения России

В конце 2005 года правительство объявило о четырех приоритетных направлениях социальной политики, и с начала 2006 года работа по этим направлениям приобрела форму целевых национальных проектов (далее НП), находящихся под особым контролем и обеспечиваемых специально выделенными финансовыми и организационными ресурсами.

Чтобы оценить востребованность НП с точки зрения населения, в ходе общероссийского опроса ГеоРейтинг (август 2006 года, 64 субъекта РФ, выборка 34 тысячи респондентов) был задан вопрос: *“Какой из четырех национальных проектов наиболее важен для Вас лично, для Вашей семьи?”*, на который можно было дать только один ответ. Судя по ответам, для россиян проекты “Здравоохранение” и “Жилье” заметно более значимы, чем проекты “Образование” и “Сельское хозяйство” (соответствующие показатели составили 36%, 33%, 12% и 11%).

НП “Здравоохранение” чаще других называют самым значимым для себя люди в возрасте от 55 лет – 56%, тогда как в группе до 25 лет – всего 19%. Противоположная картина характерна для НП “Жилье”: в группе 18–20-летних его называют приоритетным 41%, в группе 21–24-летних – 55%, в группе 25–34-летних – 44% (для сравнения: среди тех, кому 55 лет и больше, – всего 13%).

Приведенные данные показывают то, что, вообще-то, понятно и без опросов: пожилые озабочены своим здоровьем, а для молодых более актуальны жилищные проблемы. Следовательно, различны и социальные смыслы национальных проектов. Если НП “Здравоохранение” обращен ко дню сегодняшнему и состоит в том, чтобы, образно говоря, его

Автор книги “Рождение пригородной Америки” (М.: Эдиториал УРСС, 2002) **Александр Вячеславович Никифоров** работает в качестве специалиста по вопросам государственного управления в одной из ведущих консалтинговых фирм. Имеет опыт преподавания в вузах, руководящей работы в частном секторе и консультирования органов власти по вопросам жилищной политики. Является автором ряда работ, посвященных урбанизационным процессам в США, финансовым механизмам жилищного рынка, а также проблемам доступа граждан к правовой информации. С отличием окончил исторический факультет Ярославского государственного университета, имеет степени магистра управления (аспирантура общественной службы им. Р. Ф. Вагнера Нью-Йоркского университета, США) и кандидата исторических наук (аспирантура исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).

продлить, то НП “Жилье” нужен прежде всего тем, кому жить в дне завтрашнем, и от его реализации зависит их будущая жизнь.

Об остроте жилищной проблемы говорит тот факт, что в ходе общероссийского опроса (2–3 сентября 2006 года, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов) 42% россиян заявили о потребности купить квартиру или дом, причем в возрастной группе 18–35-летних – 53%. Но только 4% респондентов полагают, что им удастся в ближайшие два-три года приобрести нужное им жилье. Отсюда очевидно, насколько актуален НП “Жилье” и насколько

нетривиальными должны быть методы его реализации в условиях низкой покупательной способности населения.

Одним из таких неизведанных для России путей решения жилищной проблемы является ипотечное кредитование. Но если во многих зарубежных странах “жизнь взаимы” стала распространенной практикой, то в России само понятие “ипотека” только-только входит в обиход: немногим более трети (38%) участников общероссийского опроса 5–6 августа 2006 года (44 субъекта РФ, 1500 респондентов) заявили, что знают это слово, и еще столько же сказали, что слышали его. И это значительный прогресс по сравнению с опросом в октябре 2001 года, когда всего 7%, по их словам, знали, и 21% – слышали слово “ипотека”. Но и в настоящее время только 40% опрошенных дают достаточно внятные и осмысленные ответы на открытый вопрос “Что такое ипотека?”

Таким образом, в ходе реализации НП “Жилье” предстоит решать не только экономические, но и семантические проблемы, так как без

употребления новых понятий, описывающих рыночные механизмы приобретения жилья, невозможно объяснить людям принципы действия этих механизмов и вовлечь их в эту сферу. В сегодняшних реалиях отсутствует простое и привычное “получить квартиру от государства”, “вступить в кооператив”, почти для всех нуждающихся затруднительно “скопить денег и купить квартиру”. Поэтому никуда не деться от “ипотеки”, “кредитной истории”, “расчета рисков”, “имущественного залога”, “многолетних выплат” и т. д., и т. п.

Подобного рода семантические проблемы касаются не только приобретателей жилья, но и всех, кто занят в жилищной инфраструктуре: инвестиционных, кредитных учреждений, ипотечных агентств, органов социального управления, юридических служб, строительных фирм и проч.

Неизбежность рождения “пригородной России”

На пути реализации НП “Жилье” есть еще одно значительное препятствие, тоже социокультурного свойства: исторически сложившаяся система расселения. С одной стороны, выход за пределы перегруженных мегаполисов и распространение жилищного строительства в городские пригороды – объективная необходимость. С другой стороны, на подобного рода решения есть потенциальный спрос. Так, в ходе упомянутого выше общероссийского опроса 5–6 августа 2006 года городские жители, заявившие о своей потребности приобрести квартиру или дом, по вопросу о предпочтении квартиры или дома в пригороде разделились примерно поровну: 16% предпочли бы купить квартиру, 15% – дом. Так что, как представляется, развитие пригородных поселений – неизбежность и ближайшая перспектива.

Но упомянутая выше трудность состоит в том, что такая форма расселения – массовое строительство пригородных поселков, опоясывающих большие города, – является для России значительной инновацией. Современное загородное жилье – это дачные поселки, воз-

В ходе реализации НП “Жилье” предстоит решать не только экономические, но и семантические проблемы, так как без употребления новых понятий, описывающих рыночные механизмы приобретения жилья, невозможно объяснить людям принципы действия этих механизмов и вовлечь их в эту сферу

никшие еще в советские времена, и относительно недавно появившиеся так называемые элитные поселки. Дачные поселки не могут рассматриваться как подходящий опыт, так как в основном они предназначены не для постоянного обитания, а для сезонного времяпрепровождения – в том числе для отдыха и садово-огородных работ. Следовательно, в них не предусмотрена ни хозяйственная, ни социальная инфраструктуры. Элитные поселки настолько малочисленны и эксклюзивны, что тоже не могут рассматриваться хоть в какой-то мере как прототипы будущих пригородных поселений, рассчитанных на сотни тысяч людей.

Отсутствие опыта массового строительства пригородного жилья приводит к тому, что в дискуссиях на эту тему в лучшем случае высвечиваются наиболее очевидные и к тому же, при всей их важности, частные вопросы. В первую очередь это вопрос о землях под застройку, об отсутствии четко разработанных юридических механизмов приобретения и оформления земли. Далее – конечно же, самая животрепещущая тема: цены, размер которых может свести на нет любые экономические механизмы кредитования. Третий обязательный раздел в разговорах такого рода – это предвосхищение инфраструктурных трудностей: дороги и электричество. И, наконец, четвертое – строительные технологии: здесь, наоборот, преобладает оптимизм, связанный с достижениями в строительной индустрии (прежде всего – западной).

Но на самом деле все эти моменты – действительно важные и трудноисполнимые – могут обсуждаться только ПОСЛЕ того, как освоен опыт подобного рода национальных проектов, накопленный за последние пятьдесят лет в странах, где такого рода проекты УЖЕ реализованы.

Поучительный опыт “пригородной Америки”

В США в конце 40-х и в 50-х годах XX века произошла своего рода революция в сфере жилищного строительства. Ее следствием оказалось не только решение весьма острой на то время жилищной проблемы, но и масштабное, если не сказать тотальное, преобразование американского общества.

Конечно, все это было давно, более полувека назад, и после пригородного бума в Америке еще много чего случалось и преобразовало ее. Но все-таки эта история поучительна именно для нынешней России, так как в ней есть великое множество моментов, которые так или иначе проявляют себя и у нас, но о которых, как кажется, сейчас редко задумываются. Иначе говоря, горизонт жилищной проблемы гораздо шире, чем решение вопросов земли, экономики и строительства.

Книга А. В. Никифорова “Рождение пригородной Америки” дает возможность увидеть американский прецедент субурбанизации (это слово – синоним названия книги) как целый комплекс многочисленных и тесно переплетенных аспектов.

Это, во-первых, государственная политика, реализованная в создании трех ведомств: Федерального жилищного управления (оно страховало ипотечные кредиты), Управления по делам ветеранов (оно предоставляло гарантии по кредитам для самой массовой категории нуждающихся в жилье – ветеранов Второй мировой войны) и Федеральной ипотечной ассоциации (она действовала на вторичном ипотечном рынке и тем самым выполняла роль экономического регулятора). Наряду с законодательными решениями о налоговых льготах и разумных ограничениях на параметры ипотеки деятельности этих трех структур оказалось достаточно для запуска самоподдерживающегося рыночного процесса возникновения пригородного жилья и его инфраструктуры.

Во-вторых, это рыночные факторы, которые, с одной стороны, были следствием принятой государственной программы, стимулирующей предпринимательскую активность,

а с другой – сделали возможной ее реализацию. Иными словами, был создан самоподдерживающийся механизм: бурный рост пригородов открыл двери бизнесу (строительному, инфраструктурному, сервисному), а бизнес, в свою очередь, обеспечил этот бурный рост.

В-третьих, это социально-организационные и социально-культурные факторы устройства пригородной жизни. К важнейшим из них относятся административные формы управления в пригородных поселениях и структурирование социально-демографического состава их населения. Рациональные и разумные решения в этой сфере возникали в результате сочетания действий государственных и частных структур, стихийных социальных процессов и широкого обсуждения в обществе.

В-четвертых, социокультурные факторы, создавшие в национальном масштабе своего рода тягу к переезду в пригород. Здесь переплелись и объективные резоны, связанные с улучшением жилищных условий, и распространенные в стране субъективные оценки жизни в пригороде как атрибута более высокого социального статуса.

В-пятых, целый ряд социальных последствий, среди которых – развитие инфраструктуры потребления и рекреации и формирование соответствующих образцов потребительского и рекреационного поведения. Сюда же относятся феномены самоорганизации общественной жизни в пригородных поселениях, изменения характера межличностных и семейных отношений. Но самое главное – именно пригородная Америка стала главным условием знаменитого “бэби-бума”, что еще раз подтверждает примат социальной ситуации над желаниями людей. В пригородных условиях заводить и растить детей было не только удобно, но и настолько модно, что бездетные семьи в те времена были в пригородных поселках своего рода “белыми воронами”.

Все эти и многие другие факторы, проблемы, действия и последствия отражены в книге А.В. Никифорова. Она уникальна по тематическому охвату и основана на анализе гигантского числа публикаций из самых разных сфер знания: государственных документов, социологических исследований, социально-экономических, градостроительных трактатов и статей, материалов прессы, свидетельств и дискуссий современников и т. д.

Но эта научная монография все-таки слишком подробна для того, чтобы легко и сразу увидеть общий абрис проблемы и, что важно, осознать ее многомерность. Поэтому из ее первых двух глав мной были сделаны выписки и, главное, введена детальная рубрикация, сама по себе иллюстрирующая, какой клубок проблем предстоит распутать тем, кто взялся за НП “Доступное жилье” в России.

Важно заметить, что выписки касаются в основном аспектов рождения пригородной Америки, имеющих в целом позитивно-поучительный характер и полезных – если говорить о пригородной России – для созидательной работы. Но в книге А.В. Никифорова отражен также большой и сложный проблемный пласт негативных последствий субурбанизации. Они связаны прежде всего с возникновением новых форм социального неравенства, порождаемых жилищной сегрегацией по расовому признаку. Отсюда – раскол на белые пригороды и города с концентрированной долей расово-этнических меньшинств, возникновение трущоб в центрах городов и, в целом, обнищание городов из-за снижения налоговых поступлений. Выписки не вместили в себя соответствующий материал из книги, так что ограничимся только двумя красноречивыми цитатами на эту важную тему.

“Противоречия, развившиеся под влиянием субурбанизации, значительно обострились уже в 60-е годы. С 1964 по 1968 год по городам США прокатилась волна расовых бунтов, в ходе которых на поверхность выплеснулись протест жителей городских негритянских трущоб против расовой дискриминации, социальной и территориальной изоляции расово-этнических меньшинств, их чувство неудовлетворенности статусом «аутсай-

дерев», отделенных от пользования материальными плодами индустриального общества. С 1964 по 1968 год в городах Америки произошло 484 расовых бунта, в результате которых 46 человек были убиты и около 7200 ранены. Наиболее бурными были волнения в Детройте летом 1967 года. В подавлении этого бунта были задействованы 20 тысяч полицейских и национальных гвардейцев, а также около 5 тысяч солдат парашютно-десантных войск. За время бунта было разрушено около 1300 зданий”.

“Обострение экономических и социальных проблем в последующее десятилетие, развившееся, в частности, в серии городских расовых бунтов, стало представлять серьезную угрозу для стабильности общества, вызвало широкую дискуссию о причинах кризиса городов и путях гармоничной интеграции расово-этнических меньшинств в американское общество, потребовало внесения серьезных корректив в общественную политику. О степени серьезности социальных проблем, оформившихся под влиянием субурбанизации, свидетельствует тот факт, что они до сих пор сохраняют остроту и являются важными темами общественных дебатов в Соединенных Штатах”.

Свой дом и средний класс

Но прежде чем двигаться дальше, следует остановиться на самом фундаментальном, как мне представляется, аспекте жилищной проблемы: ее решение является необходимым условием для возникновения в обществе среднего класса. Того самого среднего класса, который в результате процессов субурбанизации в 40–50-х годах получил в Америке “прописку” и приобрел мировую известность. И того самого среднего класса, который исследователи и аналитики с пристрастием ищут в России с начала 90-х годов, но до сих пор обнаруживают лишь его отдельные и по большей части фантомные признаки.

Средний класс может стать реальностью тогда и только тогда, когда в стране есть много людей, не страдающих от мучительного “квартирного вопроса”. Быть владельцем своего просторного и качественно жилища – дома, купленного на заработанные или взятые в кредит (что в данном случае одно и то же) деньги, – значит не только удобно жить, но и с большой вероятностью несколько иначе смотреть на мир. К такой трансформации приводит целая цепочка причинно-следственных связей, в начале которой оказывается “просто” комфортное жилье.

Прежде всего дом надо оплачивать, и следовательно – надо достаточно зарабатывать. Для этого необходимо иметь хороший профессиональный уровень, а значит – повышать квалификацию, делать карьеру, проявлять предприимчивость, стремиться к успеху. Получить кредит и стать владельцем дома – это значит не только улучшить качество жизни, но и взять на себя тяжелый груз ответственности за выплату долга. Для большинства заемщиков наличие собственности (актив) и долговых обязательств (пассив) вынуждает долгие годы постоянно следить за соблюдением “бухгалтерского баланса” и формирует навыки более взвешенного использования своих трудовых возможностей, более разумного ведения домашнего хозяйства и вообще более разумного отношения к жизни.

Обладать хорошим жилищем – значит пересмотреть взгляд на свои жизненные цели и перспективы, на то, каким хотелось бы видеть будущее детей, какое образование им дать. Меняется отношение к своему физическому и психологическому состоянию, возникает необходимость пересматривать отношения с физкультурой, медициной,

Такая форма расселения, как массовое строительство пригородных поселков, опоясывающих большие города, является для России значительной инновацией. Современное загородное жилье – дачные и элитные поселки – не может рассматриваться хоть в какой-то мере как прототип будущих пригородных поселений, рассчитанных на сотни тысяч людей

экологией. Модернизация “домашнего мира” изменяет социальный контекст, так как новые значимые темы и проблемы с неизбежностью влияют на спектр актуальных интересов, и следовательно – на круг знакомств, на предпочтения в общении.

Качественное жилище требует соответствующей обстановки, и волей-неволей надо покупать предметы домашнего обихода, бытовую технику, транспортные средства, приобщаться к технологическим новинкам, пользоваться современными средствами коммуникаций, наконец более качественно питаться. Попутно с освоением новых образцов потребительского поведения, диктуемых наличием собственного жилища, изменяются представления о домашней эстетике, трансформируются стандарты чистоты и красоты. То, что не приходит в голову жителю барака, коммуналки, старой “хрущобы”, становится естественным для владельца собственного дома. И это происходит не потому, что человек становится иным, а потому, что иной становится среда его обитания.

Таким образом, качественное жилье решительным образом влияет на все аспекты жизненного мира человека и самое главное – постепенно переопределяет его воззрения на жизнь вообще. В них с большой вероятностью возникает неприятие всего, что может разрушить устойчивость “домашнего” устройства, большую значимость приобретает стабильность – не в смысле застоя и рутины, а в смысле того здорового консервативного мировоззрения, в котором приоритет отдается как раз динамике и развитию, но, что называется, развитию “в долгую”, в длительной перспективе. При таком подходе ценностью оказывается планирование жизни, а резкие изменения и тем более потрясения становятся нежелательными.

Владелец дома не может не думать, что он оставит детям и внукам, поэтому жилище как бы принуждает его проектировать свою жизнь, оберегать стабильность своего проекта и с подозрением относиться ко всему, что может эту стабильность нарушить. Отсюда –

два фундаментальных следствия. Первое: длинная перспектива жизненного планирования, включающая планы относительно жизни детей и внуков, создает умонастроение “связи времен”, придает быстротечному существованию исторический смысл. Второе: она переводит на более высокие позиции в иерархии ценностей такие понятия, как порядок, стабильность, преемственность, законность, ответственность, без которых невозможно “проектное” мышление. И то, и другое вместе – фундамент более спокойного и рационального отношения к происходящему как в личностном жизненном мире, так и в “большом” мире, представления о котором складываются прежде всего благодаря каналам массовых коммуникаций.

Именно этим объясняются весьма красноречивые данные, собранные в книге А. В. Никифорова, о дрейфе политических предпочтений у обитателей “пригородной Америки” в начале 50-х годов. И именно эта характерная консервативная составляющая является по существу стержневой особенностью менталитета среднего класса, выводимой из

целого ряда социальных обстоятельств, и в первую очередь – из жизни в собственном доме. С одной стороны, владение домом порождает соответствующие интересы, заботы, социальные контакты и в конечном счете – характерное мировоззрение. С другой стороны, воззрения на жизнь диктуют образ жизни, действий и коммуникаций. Круг замыкается и – при интенсивном росте пригородных поселений – расширяется. Только так средний класс может стать такой реальностью, что для его обнаружения не нужны будут исследовательские “микроскопы”, а его социальное присутствие будет проявляться очевидным образом.

Качественное жилье постепенно переопределяет воззрения человека. В них большую значимость приобретает стабильность – не в смысле застоя и рутины, а в смысле того здорового консервативного мировоззрения, в котором приоритет отдается как раз динамике и развитию, но, что называется, развитию “в долгую”, в длительной перспективе

Хорошо структурированные выписки из книги А.В. Никифорова “Рождение пригородной Америки”

[Предпосылки]

[Послевоенный спрос на жилье]

По окончании войны на рынке практически не было домов на продажу или квартир на съем, тогда как нужда в жилье для масс людей, особенно для молодых семей, была очень острой. К 1947 году шесть миллионов семей в Соединенных Штатах (почти 19% населения страны) проживали совместно с родственниками или друзьями. Еще полмиллиона семей занимали сборные дома из гофрированного железа, вагончики, гаражи, чердаки, сараи и даже автомобили. В Чикаго, например, в жилища были превращены 250 трамваев.

Спрос на жилье в послевоенной Америке был беспрецедентный. В радиусе тридцати миль от Вашингтона не было не только дешевого, но и дорогого жилья: чтобы арендовать квартиру за 250 долларов в месяц (немалые по тем временам деньги), приходилось долго ждать в очереди. В Атланте на объявление о сдаче в аренду однокомнатной квартиры откликнулись две тысячи человек. В 1947 году 19% населения США искали жилье, а 13% говорили, что занялись бы тем же, если бы верили в возможность найти что-либо лучшее, чем то, чем они располагали.

Важно, что многие из искавших жилье были демобилизованными из армии участниками войны. Ветеранов было около 1,8 миллиона, и их мытарства с поиском жилья для вновь созданных семей привлекали особое внимание прессы и общественности.

Корреспондент журнала “The New Republic”, например, писал о том, что очередь в одно из отделений Американского комитета ветеранов, который планировал распределить 600 квартир, вышла на улицу и растянулась почти на целый квартал. Ветераны, пришедшие на собеседование, говорили о том, что живут в грязных лачугах с крысами и тараканами, о том, что супругам приходится ночевать раздельно в мужских и женских общежитиях...

Критики называли дефицит жилья “наихудшим позором нации”. Сенатский комитет, занимавшийся этой проблемой, в своем докладе отмечал: “Такие лачуги просто являются жестом неуважения к тем, кто настолько отчаялся, что готов принять все, что предлагают... Постройки без доступа к воде, с таким плохим отоплением, что напитки замерзают в бутылках в комнате, где находится большая печь, без канализации... с бумажными стенами не могут рассматриваться в качестве жилища в 1951 году”.

[Подъем экономики]

Продолжительный подъем, который переживала американская экономика в послевоенные годы, форсированное внедрение новой техники и автоматизация производства обусловили рост валового национального продукта за 15 послевоенных лет более чем в 2,4 раза.

Реальная покупательная способность населения выросла на 22%, а по некоторым оценкам, даже на треть. Важно, что в этот период был обеспечен высокий уровень занятости, а повышение уровня материального благополучия распространилось на широкие социальные слои, в том числе на значительную часть промышленных рабочих и служащих.

[Прощальные младенцы]

Положение усугубилось, когда с 1940 года после падения в течение целого десятилетия начался рост количества регистрируемых браков. Видимо, этому способствовали ожидание войны и возможной разлуки, а также правило, согласно

которому женам семейных военнослужащих полагалось пособие из государственного бюджета в размере 50 долларов ежемесячно.

Как следствие вскоре начался и рост рождаемости. В 1943 году в Соединенных Штатах на каждую тысячу человек родились 22 ребенка, что превышало показатели предыдущих двух десятилетий. Многие из этих детей были “прощальными младенцами”, зачатыми перед отправлением мужей на службу: рождение ребенка увеличивало размер пособий женам военнослужащих, а сами дети напоминали женщинам о мужьях, которые неизвестно когда должны были вернуться или могли не вернуться вовсе.

[Государственная политика]

[Федеральное жилищное управление (ФЖУ)]

Важнейшей мерой федерального правительства, стимулировавшей субурбанизацию, явилось издание закона о жилье 1934 года, который положил начало деятельности Федерального жилищного управления (далее – ФЖУ). Это правительственное учреждение не занималось ни строительством домов, ни предоставлением денег для инвестиций в данную область. Вместо этого Управление поощряло кредиторов, имевших средства и предоставлявших их взаем покупателям жилья, гарантируя сохранность таких инвестиций всем весом государственной казны. Деятельность ФЖУ по страхованию ипотечных кредитов часто характеризуется как одна из наиболее успешных федеральных программ, революционизировавшая ипотечные кредиты и рынок недвижимости в целом.

Важно заметить, что деятельность этого органа не субсидировалась правительством, – страховку оформляли только на те займы, которые в действительности были надежными, а заемщики платили за эту услугу.

Однако за скромную плату человек мог получить кредит на условиях, которые были значительно выгоднее господствовавших на рынке в тот период. Эти условия диктовало банкам, желавшим принять участие в программе, само Управление. Срок погашения кредита продлевался до двадцати лет (вместо принятых в то время пяти), размер первоначального взноса снижался до одной пятой цены дома (вместо традиционной половины). Выплаты суммы долга, как и процентов, должны были производиться равномерно в течение всего срока, на который предоставлялся кредит (раньше заемщики чаще всего должны были выложить всю занятую сумму по истечении срока кредита). Одновременно вводились ограничения на размер процента, взимаемого по кредиту. Ограничивалась и максимальная стоимость домов, кредиты на покупку которых страховались ФЖУ.

По мере того как происходило закрепление первых успехов, срок погашения кредитов неоднократно продлевался, а размер первоначального взноса понижался. В результате этого к концу рассматриваемого периода застрахованный ФЖУ кредит можно было взять на 30 лет, а минимальный первоначальный взнос составлял лишь 3% от цены приобретаемого дома.

Важнейшей мерой федерального правительства, стимулировавшей субурбанизацию, явилось издание закона о жилье 1934 года, который положил начало деятельности Федерального жилищного управления (ФЖУ)

[Управление по делам ветеранов (УВ)]

Другим важным правительственным мероприятием в рассматриваемой области являлось принятие в 1944 году закона о демобилизованных военнослужащих, более известного как солдатский билль о правах. Он знаменовал собой отход от традиционной практики выплат дополнительных денежных вознаграж-

дений непосредственно военнослужащим, возвращавшимся с войны. На этот раз правительство предоставляло ветеранам деньги на четко определенные цели: получение образования, повышение квалификации, приобретение фермы или небольшого предприятия, покупка или строительство дома.

Большинство ветеранов использовали льготы именно для приобретения жилья. Для практической реализации мер, предусмотренных солдатским биллем о правах, было создано Управление по делам ветеранов (далее – УВ). Оно гарантировало выплату займов на покупку домов в пределах 7,5 тысяч долларов. Это позволяло многим ветеранам приобретать дома практически без уплаты первоначального взноса. Срок выплат по займам составлял тридцать лет. Условия эти были крайне выгодными, неслучайно ветераны спешили ими воспользоваться. К 1948 году уже около полутора миллионов из них получили

гарантированные УВ займы на покупку жилья, к концу 50-х годов их количество приблизилось к пяти миллионам. Примечательно, что УВ не предоставляло никаких жилищных льгот ветеранам, которые арендовали квартиру или дом.

В конце 40-х годов ветеранам было разрешено использовать комбинацию программ ФЖУ и УВ. Они могли брать основной кредит по программе ФЖУ, а для уплаты первоначального взноса по основному кредиту – брать дополнительный заем, который уже гарантировался УВ. Это позволило еще большему количеству ветеранов приобретать дома без уплаты первоначального взноса, а попутно повысило популярность программ ФЖУ.

Несмотря на различия в процедурах и составе клиентов, ФЖУ и УВ можно рассматривать как составные части единой жилищной политики правительства Соединенных Штатов. Для того чтобы проиллюстрировать масштабы деятельности обоих агентств, возьмем данные по новым домам, строительство которых было завершено с июля по декабрь 1949 года. 66% этих домов были проданы ветеранам войны, в том числе 19% – под эгидой УВ, 8% – ФЖУ, 33% – по совместным программам УВ и ФЖУ, лишь 5% – без страхования или гарантий УВ, 2% – без кредита. Оставшиеся 33% покупателей включали 15% использовавших страхование ФЖУ. Лишь 13% покупали без страховки и 5% не брали деньги в кредит для покупки. Таким образом, 73% всех домов покупались с участием ФЖУ, УВ или обоих Управлений. При этом в 37% случаев ветераны покупали дома без уплаты первоначального взноса (это составляло четвертую часть всех приобретаемых домов).

В материалах изучаемого периода можно встретить критику деятельности ФЖУ и УВ. Например, говорилось, что облегчая условия выплаты кредитов, она способствовала росту цен на жилье, в итоге потребитель не получал особой выгоды. Говорилось о “постыдных дополнительных платежах”, которые взимались с покупателей домов, о коррумпированности отдельных чиновников, которая вела к отходу от официальных стандартов и дефектам в возводимом жилье.

По мере того как происходило закрепление первых успехов в кредитовании, срок погашения кредитов неоднократно продлевался, а размер первоначального взноса понижался. Застрахованный ФЖУ кредит можно было взять на 30 лет, а минимальный первоначальный взнос составлял лишь 3% от цены приобретаемого дома

[Федеральная ипотечная ассоциация]

Однако трудно было оспорить то, что правительственные программы способствовали росту платежеспособного спроса на жилье и общей стабильности рынка недвижимости. Они обеспечили надежность ипотечных кредитов для инвестиций, что вызывало прилив средств в строительную сферу. В этом плане деятельность ФЖУ и УВ дополнялась еще одним федеральным агентством, также существовавшим на основе самоокупаемости. Речь идет о Федеральной национальной ипотечной ассоциации, созданной в 1934 году. Ее роль заключалась в покупке на вторичном рынке ипотек, застрахованных ФЖУ, а позднее и гарантированных УВ. Это способствовало поддержанию постоянного притока капитала в сферу жилищного кредитования.

[Налоговая льгота]

Другим важным стимулом была (и до сих пор является) налоговая льгота в виде вычета из суммы дохода, облагаемого подоходным налогом, платежей, которые производились владельцами домов в счет погашения ипотечных кредитов, и выплаты процентов по ним. В 1962 году совокупный размер этой налоговой льготы домовладельцам составил 2,9 миллиарда долларов (при том, что на субсидирование жилья для бедных было израсходовано лишь 820 миллионов федеральных долларов).

[Поддержка инвестиций]

Гарантированные или застрахованные государством ипотечные кредиты были привлекательным объектом для инвестиций финансовых институтов, круг которых не ограничивался банками и страховыми компаниями. Интерес представляет решение профсоюзов АФТ-КПП о направлении значительной части средств, контролируемых ими фондов пенсионного и социального обеспечения в застрахованные ипотеки, принятое в конце рассматриваемого периода. Примерно тогда же вкладывать деньги в ипотечные кредиты, застрахованные ФЖУ, было разрешено индивидуальным инвесторам. Основными преимуществами таких вложений были относительно высокий доход и высокая надежность. Из 1,9 миллиона ипотечных кредитов, застрахованных ФЖУ, погашение которых было прекращено к концу 1959 года, лишь в 18 тысяч случаев кредиты не были погашены заемщиками. Количество ипотек ФЖУ, по которым имелись проблемы с выплатой, никогда до конца 50-х годов не превышало и трети процента их общего количества (табл. 1).

Табл. 1. Основные характеристики кредитов, застрахованных ФЖУ (для покупки жилья в домах для проживания не более четырех семей), за отдельные годы, 1945–1960 годы

Год	Размер кредита, долл.		Срок погашения, лет		Процент	
	разрешенный максимум	фактический средний	разрешенный максимум	фактический средний	установленный максимум	фактический средний
1945	16 000	4709	25	нет данных	4,5	нет данных
1950	14 000	7233	25	22,69	4,25	4,17
1955	20 000	10 048	30	23,86	4,5	4,64
1960	22 500	12 696	30	27,29	5,75	6,18

[Поддержка крупных проектов]

Кроме того, практика ФЖУ заранее давать обязательства о страховании ипотек в отношении целых жилых комплексов способствовала распространению крупных проектов, в которых в полной мере могли быть использованы преимущества массового производства, снижающие цену жилья. Как отмечал журнал “Fortune” еще в 1950 году, во многом благодаря правительственным жилищным программам строители, ведущие массовую жилищную застройку, теперь практически не рисковали. Из обращения почти исчез термин “строитель-спекулянт”, который ранее использовался для обозначения тех, кто не следовал традиционной практике строительства домов под заказ, а возводил их, не зная заранее, кто будет покупателем.

[Поощрение пригородного жилья]

Одной из важнейших черт, объединявших деятельность обоих Управлений, являлось поощрение ими не просто приобретения жилья, но такого жилья, которое бы в наибольшей степени соответствовало идеалу жилища, утвердившегося в американском массовом сознании, а именно – отдельных домов в пригородах. Например, получение гарантированных УВ займов на ремонт старых домов было возможно, но для покупки новых они предоставлялись гораздо охотнее. ФЖУ также поощряло строительство семейных коттеджей путем создания менее благоприятных условий для сооружения многоквартирных домов, хотя об этом открыто не заявлялось ни в одном из ее документов. В период с 1941 по 1950 год соотношение количества гарантированных ФЖУ займов на строительство этих видов домов было, соответственно, четыре к одному. В следующем десятилетии оно составило семь к одному.

Нельзя также не отметить влияния практики оценки уровня риска различных районов застройки для гарантирования займов на покупку домов в них. Хотя официально заявлялось о стремлении проводить “беспристрастную профессиональную экспертизу”, на деле пригородные районы всегда оценивались выше, чем городские, а значит, приобретающие дома в пригородах имели больше шансов на получение правительственных гарантий погашения займов.

Управление по делам ветеранов в вопросах определения пригодности того или иного дома для дачи гарантий по займу на его покупку в основном следовало принципам, выработанным ФЖУ. То есть и эта программа правительства поощряла приобретение домов в пригородах.

[Рыночные факторы]**[Экономический подъем]**

Продолжительный подъем, который переживала американская экономика в послевоенные годы, форсированное внедрение новой техники и автоматизация производства обусловили рост валового национального продукта за 15 послевоенных лет более чем в 2,4 раза. Реальная покупательная способность населения выросла на 22%, а по некоторым оценкам, даже на треть. Важно, что в этот период был обеспечен высокий уровень занятости, а повыше-

ние уровня материального благополучия распространилось на широкие социальные слои, в том числе на значительную часть промышленных рабочих и служащих.

[Рост ипотечного кредитования]

Инфраструктура рынка служила облегчению приобретения пригородных домов, автомобилей и других предметов потребления. Мощным фактором здесь являлось развитие потребительского кредита, в первую очередь ипотечного кредитования.

Всего за четыре года, прошедших с окончания Второй мировой войны, общая сумма задолженности по кредитам на покупку домов в США выросла вдвое, достигнув около 37,7 миллиарда долларов. Эта сумма вдвое превышала задолженность по ипотечным кредитам, которая имелаась на пике строительного бума 20-х годов.

Многих пугал такой рост долговой зависимости американцев. Однако многочисленные авторы приводили статистические выкладки, которые успокаивали критиков. Например, если в 1929 году ежемесячные расходы по погашению жилищных кредитов составляли 5,4% чистого дохода всех семей, в 1932 году – 7,9%, то в начале 50-х – лишь 4,3%. Средняя сумма долга по жилищному кредиту составляла в 1950 году лишь 96% совокупного дохода семей, живущих в собственных домах, тогда как в 1940 году этот показатель равнялся 166%. Размер задолженности по жилищным кредитам составлял в 1947 году всего 32% от суммы сбережений. Этот показатель вырос к 1956 году до 56%, но так и не достиг 62%, которые были до депрессии в 1929 году. Несмотря на быстрый рост кредитной задолженности, долговое бремя стало в целом легче, чем ранее, благодаря значительно возросшим доходам.

[Развитие инфраструктуры]

Нельзя также переоценить значение технологических предпосылок для массовой субурбанизации. Она была бы невозможной и без освоения к началу рассматриваемого периода технических новшеств, необходимых для сооружения качественных дорог, электрификации периферийных районов, бурения артезианских скважин, строительства водопровода и автономных канализационных систем, использования нефтяного топлива для обогрева жилищ, а также применения сжиженного газа в бытовых целях.

[Новые рынки]

Изменение характера урбанизационных процессов в контексте рыночной экономики послевоенных Соединенных Штатов можно рассматривать как территориальное выражение постоянного поиска новых рынков сбыта и инвестиций предпринимателями, традиционно сопровождающегося неравномерным развитием пространства. Освоение пригородов является частью этого процесса, возможностью умножить потребительский спрос в момент, когда старые городские территории обещали меньшую отдачу инвестиций.

Всего за четыре года, прошедших с окончания Второй мировой войны, общая сумма задолженности по кредитам на покупку домов в США выросла вдвое, достигнув около 37,7 миллиарда долларов. Эта сумма вдвое превышала задолженность по ипотечным кредитам, которая имелаась на пике строительного бума 20-х годов

Именно этот смысл, как представляется, стоял за словами одного из ораторов о значении новых домов для экономики страны: “Это означает, что семья, покупающая лучший дом, покупает ковры, холодильники, кухонные плиты, заново украшает дом, покупает новую мебель, делает многое другое, что необязательно является частью строительной промышленности. И в добавление человек, который построил этот новый дом в каком-то новом массиве, создал спрос на новые торговые центры, новые учреждения для отдыха, церкви и школы”.

[Строительная индустрия]

Серьезным препятствием на пути массовой миграции в пригородную зону могла стать дороговизна домов. Низкие цены на землю в пригородных территориях (по сравнению с городской чертой) не решали проблемы, хотя и делали строительство новых домов здесь экономически более целесообразным. Требовались технологические усовершенствования в строительной индустрии, которые позволили бы сократить сроки строительства и удешевить семейные коттеджи.

Послевоенный период оказался временем качественного скачка в развитии техники жилищного строительства. Значительное удешевление было достигнуто с помощью применения принципов массового конвейерного производства, основанного на использовании заранее подготовленных деталей и принципа разделения процесса на ряд последовательных операций, выполняемых разными рабочими.

[Новый бизнес (на примере “Левитт и сыновья”)]

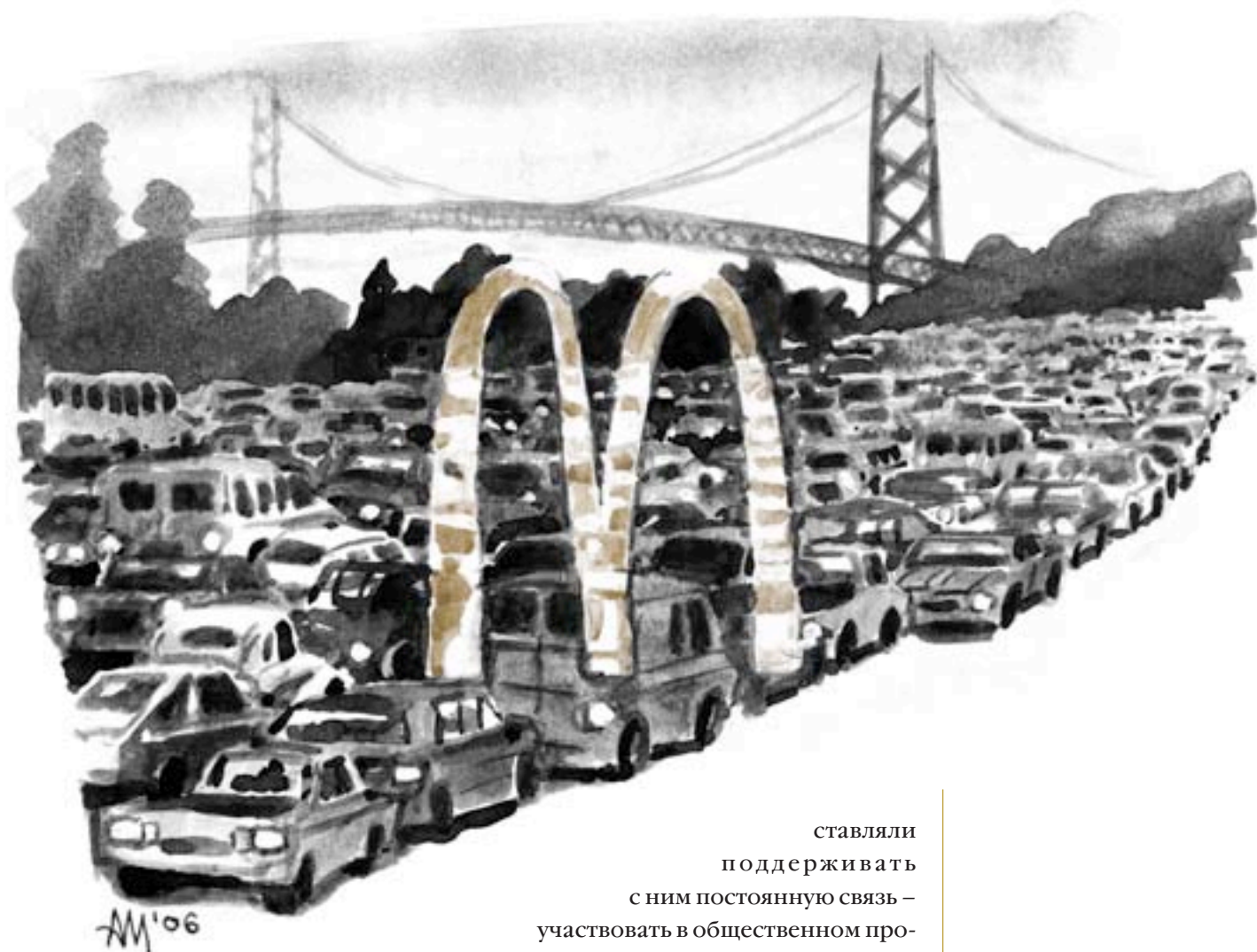
Первой фирмой, которой удалось подкрепить новую технологию необходимыми для успеха проекта надежным финансированием и хорошей организацией работ, стала компания “Левитт и сыновья”. Вскоре после окончания войны фирма Левитта приступила к строительству совершенно нового населенного пункта, названного по имени строителя, – Левиттаун.

Для постройки Левиттауна был приобретен участок площадью более 600 гектаров на Лонг-Айленде близ Нью-Йорка, до этого занимаемый картофельными полями. Именно здесь была применена новая техника строительства, которая революционизировала целую отрасль экономики. Технологическая цепочка была разбита на 26 отдельных операций, выполняемых группами рабочих различных специальностей и квалификации в соответствии с заранее утвержденным графиком, передвигаясь с одной строительной площадки на другую. Все материалы были заранее распилены на центральной фабрике и доставлялись к месту сооружения домов точно ко времени. Новый дом сдавался под ключ каждые шестнадцать минут.

В ноябре 1951 года было объявлено о завершении постройки последнего дома в Левиттауне на Лонг-Айленде. Он оказался 17 447-м по счету. В течение рассматриваемого периода фирмой были построены еще два населенных пункта с тем же названием – один в Пенсильвании, другой – в Нью-Джерси.

[Автомобили]

Концепция жизни в пригороде предполагала определенное дистанцирование от внешнего мира. Одновременно экономические реалии чаще всего за-

ставляли
поддерживать
с ним постоянную связь –
участвовать в общественном про-
изводстве, а значит, по меркам середины
XX века, ездить в город.

Главный сдвиг в деле превращения автомобиля в доступное для широких масс населения средство передвижения произошел с введением конвейерной системы сборки “Модели Т” Г. Фордом. Производство этих удобных и надежных машин быстро достигло невиданных размеров: в 1925 году каждые десять секунд с конвейеров заводов Форда сходил новый автомобиль. К концу 20-х годов на Соединенные Штаты приходилось 85% всех автомобилей, имевшихся в мире. Соотношение количества личных автомашин и населения страны составляло приблизительно один к пяти.

В конце 40-х и в 50-х годах наблюдался бум автомобильной индустрии, пик которого пришелся на 1955 год, за который было произведено почти 8 миллионов автомобилей. За 1945–1960 годы количество зарегистрированных в США автомобилей увеличилось с 25,80 до 61,68 миллиона. Доля семей, владеющих личным автомобилем, выросла за 1949–1960 годы с 56 до 77%. При этом процент семей, имевших два или более автомобилей, увеличился с 3 до 15. Личные транспортные средства стали общедоступным предметом потребления.

[Автомагистрали]

Практика государственных расходов на строительство автомагистралей берет свое начало в США еще в начале XX века (в 1916 году президент В. Вильсон подписал закон о федеральных дорогах). Однако основные меры, которые стимулировали рост системы автомобильного сообщения, были приняты после Второй мировой войны. В 1947 году Конгресс США одобрил сооружение на средства федерального правительства сети автодорог общей длиной в 37 тысяч миль (около 60 тысяч километров).

В 1956 году подписанием президентом Д. Эйзенхауэром закона об автомагистралях ознаменовалось начало нового этапа широкомасштабного строительства дорог. Этот законодательный документ предусматривал постройку высококачественных автострад общей протяженностью в 41 тысячу миль (около 66 тысяч километров). Если к 1946 году расходы федерального правительства на строительство дорог составляли 79 миллионов долларов, то уже в 1950 году этот показатель достиг 429 миллионов. К концу рассматриваемого периода федеральным правительством на указанные цели было израсходовано почти 324 миллиарда долларов.

Некоторые банковские операции клиенты могли совершать, не выходя из машины. Распространение получили кинотеатры под открытым небом, где зрители смотрели на экран, сидя в креслах собственных автомобилей. Дело дошло до проведения церковных служб по тому же принципу. Таким образом закреплялась новая организация пригородного пространства, основанная на зависимости от автомобиля и использовании обширных пространств

[Торговые центры]

Сама идея концентрации магазинов различного профиля в одном месте начала использоваться на практике еще в начале XX века. Считается, что первый торговый центр открылся в США в 1916 году. Однако к началу рассматриваемого периода в США было лишь восемь торговых центров. В 1960 году их количество достигло 3384.

Послевоенные торговые центры строились для автомобилистов, в первую очередь – для жителей пригородов. При выборе места важнее близости участка к какому-либо населенному пункту было то, сколько людей смогут приехать в торговый центр на автомобиле. Считалось, что крупный торговый центр должен располагаться таким образом, чтобы 250–350 тысяч потенциальных покупателей могли при желании добраться до него в течение получаса.

До середины 50-х годов все торговые центры строились по приблизительно одной модели. Это были длинные одноэтаж-

ные здания, и среди магазинов, которые здесь размещались, как правило, был лишь один крупный универсальный магазин, принадлежащий известной торговой сети. В 1956 году в Саутдейле, пригороде Миннеаполиса, штат Миннесота, открылся первый полностью закрытый двухэтажный торговый центр – молл, построенный по проекту австрийского архитектора Виктора Грюэна. Молл постепенно превратился в отличительную черту пригородного пейзажа и стал неотъемлемой составной частью жизни в пригородах.

[Инфраструктура сервиса]

Другим символом автомобильной субурбанизации страны стали золотые дуги сети ресторанов быстрого питания “МакДоналдс”, которая начала создаваться в США в 1954 году и к концу десятилетия насчитывала уже более сотни рестора-

нов. Недорогие горячие бутерброды можно было получить здесь очень быстро и не выходя из машины.

Многие банки также стали внедрять такой способ обслуживания клиентов. Распространение получили кинотеатры под открытым небом, где зрители смотрели на экран, сидя в креслах собственных автомобилей. Дело дошло до проведения церковных служб по тому же принципу. Таким образом закреплялась новая организация пригородного пространства, основанная на зависимости от автомобиля и использовании обширных пространств.

[Социальная структура]

[Административная самостоятельность]

Еще одна из предпосылок субурбанизации связана с особенностями административно-политического устройства США, позволявшего новым населенным пунктам легко конституироваться в независимые административно-территориальные образования.

В начале XX века легислатуры штатов изменили порядок инкорпорирования и аннексации. Теперь для присоединения новых территорий к городам чаще всего требовалось взаимное согласие населения города и присоединяемой территории. Среди исследователей есть те, кто считает это одной из основных предпосылок для существования современного разрыва в уровне экономического и финансового благополучия между городами и пригородами. Уильям Колман, например, в качестве доказательства этого тезиса приводит пример тех штатов, где инкорпорирование было возможно по одностороннему решению городских органов власти: Техаса, Северной Каролины и Виргинии. Здесь большинство населения сосредоточено в границах города, а количество административных единиц в метрополитенских территориях значительно меньше, чем в других штатах.

[Ограниченное разнообразие населения]

Одной из основных отличительных черт послевоенных пригородов можно считать более демократичный состав их населения. В результате быстрого роста материального благополучия и относительной дешевизны домов и автомобилей пригород перестал быть анклавом высшей части среднего класса, стал доступен не только управленцам, но и занимавшим скромные посты служащим, а также значительной части людей рабочих специальностей.

Миграция в пригороды была чрезвычайно селективным процессом – здесь селились только те, кто мог себе это позволить. Технологические усовершенствования, меры правительственных учреждений по созданию благоприятных условий для покупки коттеджей в кредит способствовали включению в пригородную миграцию менее состоятельных слоев населения. Однако переезд в пригород оставался за пределами материальных возможностей миллионов семей.

Сеть “МакДоналдс” начала создаваться в США в 1954 году и к концу десятилетия насчитывала уже более сотни ресторанов. Недорогие горячие бутерброды можно было получить здесь очень быстро и не выходя из машины

[Сортировка населения]

Другой главной особенностью послевоенных пригородов являлась однородность социально-классового и расового состава их населения. Эта характерная черта является чрезвычайно важной для понимания последствий субурбанизации и многих мотивов, которые звучали в дискуссиях о пригородах в 40-е и 50-е годы.

Жилье в силу его различной стоимости всегда отделяло людей разных социальных групп друг от друга. Однако с началом массовой субурбанизации оказалось, что люди сортировались не только по домам или кварталам одного населенного пункта, но и по зонам проживания.

Наряду с этим действовали факторы, которые искусственно препятствовали включению в субурбанизацию менее состоятельных. Таковыми являются нормы землеустройства и землепользования, а также строительные правила, утверждаемые муниципальными органами власти.

Для переселенцев в пригород, которые смогли пройти отсев на основе материального положения и тем самым закрепили за собой определенный статус в обществе, решающее значение приобретал вопрос о недопущении снижения этого статуса. Это могло произойти, если бы состав населявших пригород стал изменяться в сторону увеличения числа представителей менее высоких страт общества. Для этого имелись реальные предпосылки. Например, строительство многоквартирных домов или снижение налогов жителей за счет размещения на подконтрольной территории промышленных предприятий-налогоплательщиков позволили бы поселиться здесь семьям с меньшим достатком.

Главным орудием предотвращения подобных явлений для жителей пригородов стали вводимые местными органами власти ограничения на использование земель: правила строительства и выделения участков для застройки и особенно зонирование, то есть планы, конкретизирующие, как может использоваться и какие постройки может содержать та или иная территория.

[Зонирование]

В послевоенные годы зонирование стало применяться даже на уровне самых небольших населенных пунктов, прежде всего – в пригородах. В местных нормативах устанавливались завышенные требования к размерам участков и самих жилищ, а также к качеству строительных материалов, содержались запреты на строительство многоквартирных домов и размещение промышленных предприятий. С помощью этих ограничений более бедное население держалось за пределами пригородов.

Жители пригородов хорошо осознавали, что муниципальные власти используют свои полномочия по регулированию землепользования не только для внесения координации и должного планирования в эту область, но и для ограждения от “вторжения” менее обеспеченных. В результате опроса, проведенного в шестнадцати населенных пунктах, окружавших Филадельфию в начале 60-х годов, оказалось, что почти четыре пятых населения одобряли “использование законов о зонировании для недопущения в населенный пункт типа людей, которые обычно строят более дешевые дома на маленьких участках”.

Итак, относительно высокая стоимость проживания в пригороде отсеивала от миграции сюда менее обеспеченных, а действие местных пригородных правил строительства и землепользования во многом ужесточало этот отсев.

[Социальная однородность зон]

Говоря о социальной однородности населения послевоенных пригородов, следует иметь в виду, что социальное ранжирование имело место и внутри пригородной зоны. В связи с тем что во многих случаях производилась массовая застройка больших участков домами одной ценовой категории, уровнем дохода семьи определялся не просто приобретаемый дом, но и населенный пункт.

При том, что однородность населения бросалась в глаза внутри каждого отдельного пригорода, полной однородности населения пригородной жилой зоны не было. Помимо различий среди новых пригородов массовой застройки существовали старые и возводились новые благоустроенные пригороды, являвшиеся анклавом высшего класса. Наряду с этим возникли и четко выраженные рабочие пригороды.

[Развитие сферы занятости]

Важным моментом, отличавшим один пригород от другого, являлось наличие или отсутствие базы занятости в населенном пункте. Хотя в рассматриваемый период за пригородами прочно держался традиционный образ “спальни” больших городов, многие из них – как правило, те, население которых было победнее, – вынуждены были привлекать на свою территорию предприятия, чтобы найти дополнительные налоговые поступления.

В этой связи несколько слов стоит сказать о соотношении процессов миграции в пригороды населения и предприятий. Иногда перемещение народнохозяйственной деятельности в пригородные районы называют в качестве одной из предпосылок субурбанизации населения. Представляется, что в рассматриваемый период движение населения все же было ведущим фактором, влекущим за собой перемещение торговли, сферы услуг и промышленных предприятий. При этом стремление вновь создаваемых муниципалитетов найти источник дополнительных налоговых поступлений, которые бы могли покрыть растущие расходы на обеспечение необходимых коммунальных служб, способствовало перемещению предприятий в пригороды.

[Территориальная мобильность]

Журналы писали о том, что люди начали менять дома, переезжая из одного пригорода в другой, почти с той же легкостью, с какой раньше меняли машины. В статье “Временные жильцы”, опубликованной в журнале “Fortune” еще в 1953 году и затем вошедшей в книгу “Человек организации”, У. Уайт назвал свое время “эрой грузовиков для перевозки мебели”. По его словам, пять ведущих фирм по перевозке имущества частных лиц увеличили объем работ

В связи с тем что во многих случаях производилась массовая застройка больших участков домами одной ценовой категории, уровнем дохода семьи определялся не просто приобретаемый дом, но и населенный пункт

по сравнению с довоенным периодом в три раза, а одна – даже в десять раз. Каждый седьмой клиент фирмы “Allied Van Corporation” ежегодно переселялся в другой штат.

То есть характерной чертой изучаемого периода было не только массовое переселение в пригороды из других районов, но и частая смена места жительства внутри пригородной зоны. Этот тезис подтверждался результатами социологических исследований. Данные обследования Н. Гиста, проведенного в самом конце 40-х годов в окрестностях г. Колумбия, штат Миссури, показывают, что семьи, переселившиеся в пригородную зону из города (как их называет автор, “децентрализованные”, то есть участвовавшие в движении из городских центров на периферию), имели более высокую территориаль-

ную мобильность, чем приехавшие из других мест. Судя по опросу, проведенному Г. Гансом, почти половина (46%) заселявшихся в конце периода в новые дома третьего Левиттауна, штат Нью-Джерси, перебирались сюда из других пригородов, причем треть переселенцев уже владели собственным домом до этого.

Наиболее простое объяснение, которое давали комментаторы, лежало в сфере семейной жизни. Увеличение количества детей требовало большей жилой площади, то есть покупки нового, более просторного дома. Многие из домов, построенных непосредственно после окончания Второй мировой войны, имели всего две спальни. Молодые и быстрорастущие семьи, занимавшие их, начали подыскивать более просторные дома уже в первой половине 50-х годов.

Рассматривая вопрос о подвижности населения, авторы не могли оставить без внимания связь географической мобильности с социальной. Многие логично предполагали, что точно так же, как переезд в пригород для множества семей был знаком, отмечавшим их новое положение в обществе, такой же

цели могли служить и последующие переселения из одного населенного пункта в другой, более престижный.

У. Ньюман рассматривал восходящую социальную мобильность как основную категорию, необходимую для объяснения сути пригородного образа жизни. Ньюману казалось, что стремление возвыситься сказывается на всех сторонах жизни в пригороде, в том числе на семье: “Цель пригорода – разбить семью в интересах восходящей ввысь спирали”. Он называл пригород “гостиницей, из которой бизнесмен выходит, чтобы принимать участие в гонке за успехом, а ребенок появляется, чтобы научиться биться в гонке за успехом”.

[Социокультурные факторы]

[Поведенческий фактор – массовое потребление]

Понимание значения субурбанизации для развития американского общества предполагает признание диалектической взаимосвязи и взаимозависимости между развитием рыночной экономики и миграцией населения в пригороды. Субурбанизация во многом диктует особую модель потребления, а именно –

Пригород оказался в наибольшей степени отвечающим идеальному образу жилища (особенно для семейной жизни). Основные отличительные черты этого образа – отдельный дом, находящийся в частной собственности и отделенный от других жилищ земельным участком, – прочно укоренились в американской культуре уже к концу XIX века и с тех пор не потеряли своего влияния в общественном сознании

массовое потребление товаров и услуг. Утверждение этой модели в Соединенных Штатах не только стало возможным благодаря достигнутому высокому уровню развития производительных сил вследствие развития массового производства, но и являлось необходимым условием динамичного развития экономики соответствующего нового уровня развития производительных сил.

[Культурный фактор – идеал домовладения]

Один из авторов “Monthly Labor Review” подметил чрезвычайно важную деталь в отношении приобретения домов именно в собственность: “...Хотя стоимость проживания в арендованном и собственном жилье одинакового размера и качества чаще всего оказывается равной, владельцы жилья... чаще всего расходуют больше, потому что они платят за лучшее жилье”. Можно сказать, что здесь отмечен пункт, где смыкаются приверженность идеалу домовладения как культурная парадигма и желательность больших затрат и потребления как атрибут рыночной экономики периода массового производства.

Пригород был желанным местом проживания. Он оказался в наибольшей степени отвечающим идеальному образу жилища (особенно для семейной жизни). Этот образ утвердился в XIX веке в результате отделения места работы от места проживания, роста масштабов населенных пунктов, возникновения ностальгической тяги к природе по мере индустриализации. В первую очередь он отражал стремление провести границу между двумя частями мира: семьей с ее близкими отношениями и безличностным, а зачастую и враждебным обществом. Основные отличительные черты этого образа – отдельный дом, находящийся в частной собственности и отделенный от других жилищ земельным участком, – прочно укоренились в американской культуре уже к концу XIX в. и с тех пор не потеряли своего влияния в общественном сознании.

[“Ориентированные извне” на смену “ориентированным изнутри”]

Примечательно, что рассматриваемые ниже интерпретации жизни в послевоенных пригородах имели немало точек соприкосновения с более широкими концепциями, объяснявшими результаты роста новых средних классов и укоренения “массового общества”, которое олицетворяли бюрократические организации.

Одна из наиболее ярких общих работ, которая почти неизбежно всплывала при обсуждении пригородной действительности среднего класса, – книга коллектива авторов под руководством Дэвида Рисмена “Одинокая толпа”. В ней проводилась мысль о том, что на смену американцу прошлого, “ориентируемому изнутри”, пришел человек, “ориентированный извне”. Ранее американец опирался в своих поступках прежде всего на собственное мнение, имел независимые взгляды, занимал активную жизненную позицию, руководствовался внутренним голосом. Для ориентируемой извне личности главной опорой в жизни является мнение группы. Вместо того чтобы прислушиваться к собственным убеждениям, ориентируемый извне человек постоянно пытается определить, что же является правильным в глазах других, и строит свое поведение в соответствии с внешними импульсами, которые он получает из социальной среды.

Чрезмерная озабоченность мнением окружающих, присущая управленцу, работающему по найму в большой организации, не позволяет ему видеть и оценивать общей картины происходящего. Отдельные фигуры, мнением которых столь дорожит ориентированный извне человек, заслоняют для него общую картину, “ландшафт”. По этому поводу авторы “Одинокой толпы” писали: “Его способность связывать вопросы только посредством восприятия людей поощряет его видеть вопросы так, как другие их видят, и, увидев, прощать, нежели морализировать. Эта добродетель терпимости, однако, превращается в грех, когда она служит тому, чтобы понижать свой эмоциональный тон постоянным требованием быть объективным, которое он к себе предъявляет”.

[Конформизм и стандартизация социального поведения]

Пожалуй, наиболее влиятельной работой, которая уже однозначно вписала для современников представителя среднего класса, живущего в пригороде, в контекст массового общества, является книга автора делового журнала “Fortune” Уильяма Уайта с характерным названием “Человек организации”. Пригород представлялся Уайту наиболее подходящим местом проживания работника крупной бюрократической организации. Здесь, так же как и на работе, он мог добиться успеха не за счет амбиций и индивидуализма, а следуя по течению, не противореча группе. В пригороде, так же как и в большом учреждении, и в современном обществе в целом, место прежней “протестантской этики” заняла этика “общественная”, произошло замещение ценности личной инициативы вознесением умения ладить с окружающими.

Показательно, что одной из наиболее популярных тем, звучавших при обсуждении пригородов, являлась склонность их жителей к конформизму. Если в более ранние периоды критики американского общества часто призывали использовать силу коллективного действия, то теперь казалось, что наступила пора вдохновлять сограждан на сопротивление влиянию коллектива.

Перечень фактов о конформизме пригородов, приводимых в публицистических произведениях и журнальных статьях, не ограничивался обязательной для сохранения хороших отношений с соседями стрижкой газона на своем участке. Зачастую описывались поистине анекдотичные ситуации. В одном из пригородов группа соседей решила, что женщины по какой-то причине должны переодеваться в нарядную одежду в 4 часа дня, и следовали этому новому правилу. В другом новом населенном пункте благодаря тому, что жители перенимали привычки друг у друга, модным стало подавать вино

к ужину, что было совсем нетипично для пригородов в целом. В результате продажи столового вина в местном винном магазине пошла настолько бойко, что пришлось заводить дополнительный винный погреб. В Оверленд-Парке, пригороде Канзаса, три семейные пары создали “Лигу борьбы с конформизмом”. Пытаясь решить проблему типичным для пригородов способом (через создание организации), они поддались общему настроению, хотя желали совершенно обратного.

“Триумф конформизма” продолжался относительно недолго. Уже в 60-е годы дети покупавших дома в послевоенных пригородах, поколение бума младенцев, бросили вызов довольству материальным достатком и монотонности жизни пригородов

У. Уайт давал несколько иное объяснение, принимающее во внимание характер взаимоотношений среди населявших пригород, а именно их психологическую зависимость друг от друга. «Группа является тираном, она также является другом, она является и тем, и другим одновременно», – писал по этому поводу У. Уайт. Главным ему представлялся вопрос о том, было ли конформистское поведение чем-то исходящим изнутри (например, из искреннего чувства солидарности с важным для личности коллективом) либо совершалось с переступанием через собственные принципы и интересы. Иными словами, чувствовал ли человек на себе давление группы.

Как показало дальнейшее развитие событий, «триумф конформизма» продолжался относительно недолго. Уже в 60-е годы дети покупавших дома в послевоенных пригородах, поколение бума младенцев, бросили вызов довольству материальным достатком и монотонности жизни пригородов.

[Средний класс]

[Мотивация приобретением статуса среднего класса]

Л. Баритц, автор работы по культуре среднего класса в США, в качестве примера, наглядно демонстрирующего стремление американцев обладать статусом среднего класса, приводит результаты опроса Гэллапа, проведенного в 1939 году. Восемьдесят восемь процентов опрошенных причислили себя к среднему классу, когда их попросили определить свой социальный класс. Однако, отвечая на вопрос о том, к какому классу они принадлежат по размеру получаемого дохода, 31% ответили, что к низшему, 68% – к среднему и 1% – к высшему.

Для тех, кому доход или недавнее прошлое не позволяли в полной мере ощутить себя частью желаемого социального слоя, особое значение приобретало обладание внешними символами среднего класса. Пригородный дом, безусловно, является самым важным из них.

[Белые воротнички]

Важной особенностью послевоенных лет было то, что многие молодые американцы были обязаны своим новым статусом работе по найму в организациях с разветвленной бюрократией. Рост крупных предприятий и организаций был связан не только с усилением концентрации капитала в частном секторе. Война вызвала к жизни многочисленные правительственные программы строительства обороны. В послевоенные годы тенденция развития правительственных учреждений, так же как и крупных корпораций, предоставлявших работу все большему числу «белых воротничков», продолжилась.

Таким образом, на глазах современников происходил не только мощный численный рост тех, кто теперь обладал атрибутами жизни среднего класса, но и важные изменения в самой природе средних слоев.

Послевоенный средний класс, складывавшийся в массе своей из конторских работников, торговцев, инженеров и других специалистов, работавших

Для тех, кому доход или недавнее прошлое не позволяли в полной мере ощутить себя частью желаемого социального слоя, особое значение приобретало обладание внешними символами среднего класса. Пригородный дом, безусловно, является самым важным из них

по найму в крупных организациях, принципиально отличался от традиционных средних слоев, основу которых составляли мелкие собственники, предприниматели.

[Пригороды – второй “плавильный котел”]

Пригород, по большому счету, идентифицируется со средним классом, а обсуждение новых черт общественной жизни строится на рассмотрении пригородов и среднего класса в целом.

Люди, населявшие тот или иной пригород, зачастую действительно составляли довольно однородную массу, что было одной из черт, отличавших пригородный тип расселения рассматриваемого периода. Примечательным в послевоенных интерпретациях пригородной жизни было мнение о том, что местные, религиозные, этнические и классовые различия отходили на второй план под воздействием общего для всего пригородного населения уклада жизни и поэтому не играли решающей роли в определении характера индивидуального поведения.

В наиболее отчетливой форме тезис о преобразующем влиянии пригородной среды, которую отличает особый характер взаимоотношений и образа жизни, на тех, кто в нее попадал, сформулировал У. Уайт. Это положение является одним из краеугольных в литературе рассматриваемого периода относительно значения субурбанизации для эволюции американского характера. У. Уайт считал послевоенные пригороды “вторым плавильным котлом”, который превращает выходцев из различных социальных слоев и культур в людей, обладающих всеми необходимыми атрибутами представителей американского среднего класса. Он писал по этому поводу: “Люди могут выходить из новых пригородов, принадлежа к среднему классу; однако очень немногие из тех, кто входил, принадлежали к нему”. Именно в пригородах люди, впервые сумевшие приобрести собственный дом, перенимали от служащих больших организаций, игравших ключевую роль, культуру среднего класса, при этом прекрасно отдавая себе отчет в том, какие изменения происходили в их мышлении и поведении.

[Различия пригородов по социальному статусу их обитателей]

Семье, купившей дом с двумя спальнями, было к чему стремиться, имелось немало заманчивых мест, в которые можно было попасть, не покидая “пригородного царства”, а лишь перемещаясь в его пределах. Однако эти перемещения должны были быть обеспечены движением вверх в обществе. Чаще всего разграничение проводили между новыми пригородами, возникшими на чистом месте после окончания войны, где молодые семьи зачастую приобретали свой первый дом (именно о них писал У. Уайт), и более комфортными, обустроенными населенными пунктами, которые тоже стремительно разрастались после окончания войны.

Обращалось также внимание на разные цели, которые преследовали переселявшиеся в пригороды. Они часто зависели от социального происхождения, образования и рода занятий. Интересное и, думается, верное замечание, которое касается вопроса о связи между местом жительства и социальным статусом, мы находим в статье Э. Грили “Пригород: Новый образ жизни”. Он разделял всех

проживавших в пригородах на две большие категории. Для первых, выходцев из среднего и высшего классов, владение собственным домом, расположенным вне собственно городских кварталов, было чем-то естественным и привычным, тем, чего следовало ожидать от жизни. Для других же, тех, кто происходил из рабочих семей, пригородная жизнь была реальностью, о которой их предшественникам приходилось только мечтать. Поэтому они были более склонны удовлетворяться меньшим, не планировали переезжать, тогда как первые предпочитали продолжать “гонку за успехом”.

[Субкультуры пригородного населения]

Кроме того, постепенно вызревал альтернативный подход к оценке классовых различий внутри пригородов. Суть этого подхода заключалась в отрицании влияния пригородной обстановки как таковой на социальное поведение переселявшихся в пригороды людей. Уже в 60-е годы была опубликована работа Г. Ганса, материал для которой исследователь начал собирать в третьем Левиттауне, штат Пенсильвания, еще в конце 50-х годов. Г. Ганс вычленил среди населения Левиттауна три различные субкультуры, характеризующиеся различными совокупностями общих предрасположенностей к определенным способам поведения в конкретной социальной ситуации. Автор показал, что выделенные им субкультуры, представленные в Левиттауне – рабочий класс, нижняя и верхняя части среднего класса, – заметно отличались друг от друга характером половозрастных ролей, способами проведения досуга, отношением к политическим и общественным организациям и другими чертами.

[Пригородная семья]

[Кульť семьи]

Ранее уже говорилось о том, что в послевоенной Америке наблюдался рост количества регистрируемых семей, заметно снизился возраст вступающих в брак, уменьшилось количество разводов, прервалась тенденция снижения рождаемости, наблюдавшаяся в предшествующие десятилетия, четко обозначился рост количества детей, утвердился своеобразный культ семьи. “Жизнь пополам” – так можно вольно перевести слово “togetherness”, название, данное журналом “McCall’s” образу идеальных отношений между супругами, который сложился в рассматриваемый период, к которому стремились молодые американцы. Молодая пара, окруженная детьми, на фоне собственного пригородного дома и автомобиля стала одним из символов Америки 50-х годов.

Среди отличительных особенностей пригородных семей того времени современники отмечали то, что они были, как правило, моложе и сильнее, чем ранее, отделены от других родственников. Переезд на новое место знаменовал для молодых родителей разрыв давних родственных связей, которые выполняли функции психологической поддержки. Здесь мы имеем дело с феноменом,

Среди отличительных особенностей пригородных семей 50-х годов современники отмечали то, что они были, как правило, моложе и сильнее, чем ранее, отделены от других родственников. Переезд на новое место знаменовал для молодых родителей разрыв давних родственных связей, которые выполняли функции психологической поддержки

который У. Уайт метко назвал “отсутствием корней” и который объяснял многие явления, имевшие место в пригороде, в том числе и большую зависимость мужа и жены друг от друга.

[Женщина-домохозяйка]

В изучаемые годы американское общество продолжало считать идеальным образ женщины-домохозяйки, хранительницы домашнего очага. Этот образ сложился в первой половине XIX века, когда работа отделилась от дома, вместе с работой на целый день из дома исчез мужчина, а дом стал “женской сферой влияния”. Многие популярные издания писали о пригороде, этой цитадели среднего класса, с умилением: здесь они находили реальное воплощение идеала. Пригород в дневное время нередко изображался как своеобразное царство без мужчин, где центральной фигурой была домохозяйка. Журнал “Time” называл женщину “хранительницей пригородной мечты”. Весь день, пока мужчины были на работе в городе, жизнь в пригороде не замирала благодаря женщинам: женщина стирает, убирает в доме, моет посуду, делает покупки, готовит ужин, ухаживает за растениями во дворе, а также “выступает в роли энциклопедии, полицейского и арбитра” для своих детей.

Следует иметь в виду, что подобные описания, безусловно, отражали идеальные образы, однако не вполне соответствовали реальным явлениям. Многие женщины, проживавшие в пригородах, не могли соответствовать образу, так как работали вне дома. Растущие материальные потребности семьи, обусловленные новым уровнем ожиданий от жизни, а также опыт времен Второй мировой войны способствовали тому, что они чаще брались за работу, проводили какое-то, пусть зачастую небольшое, время вне дома. За 50-е годы количество работающих замужних женщин выросло в два раза, а женщин, имевших детей и продолжавших работать, – в четыре раза. Если в 40-е годы основную массу работающих замужних женщин все еще составляли женщины из семей рабочих, то 15 лет спустя они были уже одинаково широко представлены и в среде образованных средних классов. К 1956 году около 70% семей с доходом от 7 до 10 тысяч долларов в год имели в своем составе двоих работников (обычно мужа и жену).

[Социальная активность женщины]

Другим важным мотивом дискуссии были рассуждения о роли женщины как посредника между пригородной семьей и остальным населением, о том, что женщина была “нитью, связывающей семью с коллективом” проживающих в пригороде, как образно выражался журнал “Time”. Интересно, что и защитники, и критики пригородной жизни сошлись в констатации факта выполнения женщиной функции поддержания связи всей семьи с другими проживающими в населенном пункте. Однако если первые любовались этим, то последние рассматривали эту функцию как непосильную ношу и искали в этом явлении корни проблем женщин в пригороде.

Погруженность в домашние дела и новости своего пригорода вели к тому, что женщина брала на себя инициативу в семье в ряде новых вопросов. Она знакомила мужа с новыми людьми, как правило, с соседями. Раньше круг общения обычно определялся мужем и состоял из его товарищей по работе. Жены неред-

ко вовлекали своих мужей в работу общественных объединений и политических групп. Обозреватели также отмечали невиданную ранее настойчивость женщин при решении вопросов, связанных с ведением домашнего хозяйства. Ситуация обострялась тем, что хотя муж чаще всего и следовал предписаниям жены, в большинстве случаев он не был способен разделить ее интерес к домашним и общественным делам. То, что для жены и детей составляло целый мир, для мужа было лишь его частью.

[Изменение мужских ролей]

Продолжая разговор о проблемах пола, заметим, что в 50-е годы многим мужчинам, так же как и женщинам, приходилось сталкиваться со специфическими проблемами. Во-первых, это касается недавно получивших посты в учреждениях, ставших «белыми воротничками». Будучи воспитанными в рабочих семьях, многие из них не могли порвать с представлением о настоящем мужчине как о кормильце, зарабатывавшем семье на жизнь «честным трудом», под которым понималась физическая работа. То, чем эти люди занимались теперь – манипу-

лирования с бумагами, переговоры с клиентами и другими сотрудниками, – не соответствовало идеалу, и это способствовало развитию чувства утери мужского достоинства.

Помимо этого представляется, что уже упоминавшаяся концепция “жизни пополам” требовала от мужчины больших перемен в поведении, чем от женщины. Одним из ее компонентов было более активное участие мужа в домашних

делах, таких как воспитание детей или уборка в доме. Подобное поведение было распространенным, даже модным. Это, однако, не исключает наличия внутреннего кризиса у части мужчин при подчинении новому стандарту.

То, что пригород предоставлял лучшие, чем другие виды поселений, условия для детей, было в изучаемые годы общепризнанным фактом. Более обширный двор позволял им играть на улице без присмотра со стороны родителей; свежий воздух способствовал лучшему здоровью детей; более просторное жилище и отсутствие соседей позволяли детям иметь собственные занятия и не подвергаться излишним ограничениям со стороны родителей

[Рост рождаемости]

Характеризуя дискуссии о пригородной семье, нельзя обойти вниманием детей. Именно в пригородах характерная черта американской жизни 50-х годов – необычно высокий уровень рождаемости – выступала с наибольшей отчетливостью. Многим современникам казалось, что пригороды буквально кишат детьми, а удовлетворение подрастающих детей является основной задачей пригородных семей и в целом этих поселений.

То, что пригород предоставлял лучшие, чем другие виды поселений, условия для детей, было в изучаемые годы общепризнанным фактом. Более обширный двор позволял им играть на улице, “как и положено детям”, без присмотра со стороны родителей; свежий воздух, солнце способствовали лучшему здоровью детей; более просторное жилище и отсутст-

вие соседей позволяли детям иметь собственные занятия и не подвергаться излишним ограничениям со стороны родителей – по-настоящему “быть детьми”. Автор журнала “The New York Times Magazine” называл пригород “раем для детей”.

Безусловно, пригороды внесли самый весомый вклад в “бум младенцев”: детей не только было много, повсюду были видны приметы скорого пополнения их рядов. Журнал “Time” обращал внимание на большое количество беременных женщин на улицах пригородов. Их можно было увидеть гуляющими или делающими покупки. Население пригородов отвергло старую установку, согласно которой женщине предпочтительнее не показываться из дому во время беременности. Беременность превратилась в нечто, чем можно гордиться и что можно открыто обсуждать. В этом вопросе жители пригородов находили понимание друг у друга, что неудивительно – ведь о пригородной женщине писали: “Если она еще не беременна, то интересуется, не беременна ли”.

[Пригородная молодежь]

Как и везде, подростки в пригородах стремились иметь собственный стиль. Заметим, что уже в 50-е годы начался раскол массовой культуры, ставший столь очевидным в следующем десятилетии. Молодежь до небес возносила тех, кого родители не переносили. Наиболее ярким примером является популярность Эл-

виса Пресли. Примечательным является то, что именно выросшие в пригородах образованные молодые люди из семей среднего класса составили основной круг последователей битников, литературно-богемного течения, всем своим образом жизни бросающих вызов преобладавшим в 50-е ценности и морали. Популярность битников среди пригородной молодежи отражала глубокие различия в системе ценностей поколения послевоенного пригородного “бума младенцев” и их родителей.

По сути дела, в пригородах вырастала огромная масса молодых людей, для которых материальный достаток был чем-то само собой разумеющимся. Их опыт в корне отличался от опыта их родителей. Старшее поколение пережило Великую депрессию и войну и чрезвычайно ценило обретенный после окончания войны материальный достаток, которого ранее не было ни у них, ни у их родителей. Указанный раскол ценностей стал еще более очевидным в 60-е годы, когда повзрослела основная масса представителей поколения послевоенного бума рождаемости, многие из которых включились в массовое демократическое движение. Писавшие о пригородах в первые послевоенные полтора десятилетия не могли предположить, что поколение, выраставшее на их глазах в достатке и комфорте, станет вскоре основной силой движения социального протеста, способствовавшего серьезным социальным переменам, и тема конфликта поколений пока не получила отдельного развития.

[Общественная жизнь в пригородах]

[Соседи]

Прежде всего стоит остановиться на распространенном в конце 40-х и 50-е годы тезисе о типичности для пригородов более близких отношений с соседями по сравнению с другими населенными пунктами. Этот феномен нашел отражение как на страницах популярной прессы, так и в результатах социологических исследований.

Как правило, отношения с соседями устанавливались буквально со дня переезда. У. Уайт так описывает типичную сцену приезда новой семьи. Плачущие дети, уставшие родители, а впереди еще уйма хлопот, связанных с переездом. Неожиданно появляются соседи, которые сами представляются, начинают помогать распаковывать вещи. К вечеру одна из соседок приносит готовую еду, а другая – полный кофейник горячего кофе. Дети быстро находят себе друзей.

По наблюдениям журналистов и социологов, жившие в пригородах семьи более часто, чем городские, посещали друг друга, чтобы вместе пообедать, поиграть в карты или просто поговорить. Молодые семьи, живущие по соседству, также легко могли найти повод для организации вечеринки. Обозреватели замечали, что в пригородных районах уровень потребления пива (а именно его здесь пили на вечеринках) был необычно высоким. Днем, пока мужчины были на работе, их жены собирались вместе, чтобы посплетничать и попить кофе поочередно друг у друга дома или во дворе.

Жившие в пригородах семьи более часто, чем городские, посещали друг друга, чтобы вместе пообедать, поиграть в карты или просто поговорить. Кроме этого, очень распространено было совместное пользование различными предметами

Однако дело не ограничивалось лишь развлечениями и отдыхом вместе. Соседи находили пути извлечения взаимной выгоды из более тесных отношений друг с другом. Многие авторы, писавшие о пригородах в то время, упоминают о “банках сиделок”. Женщины, желая отдохнуть от домашних хлопот, могли оставить своих детей с соседками на определенное время, которое потом “отрабатывали”, присматривая за детьми соседей. Дело доходило до межрелигиозных “проектов”: христиане оставались с детьми в пятницу вечером, а евреи – в воскресенье утром.

Кроме этого, очень распространено было совместное пользование различными предметами. Например, несколько семей могли использовать одну машину для стрижки газонов. Происходил обмен книгами, хорошей посудой и т. п. Журналисты писали о том, что дети перенимали такое отношение к окружающим их вещам и часто не делали различий между принадлежащим своей семье и соседям. Родители нередко жаловались, что у их детей нет уважения к чужой собственности, что они могут без разрешения взять велосипед или игрушки соседей или даже залезть в соседский холодильник. Глядя же на себя, взрослые не видели ничего плохого в том, что выручали друг друга, хотя и шутили иногда, говоря, что “наконец-то наступил коммунизм”, называя пригороды “Россией, но с деньгами” или “студенческим общежитием, только с детьми”.

[Общественные объединения]

Другой отличительной чертой являлось более активное участие их жителей в работе общественных объединений. Обычно собрания клубов, занятия кружков и т. п. проходили в местных школах, поэтому в их окнах до позднего вечера горел свет. В некоторых семьях муж и жена поочередно сидели с детьми вечерами, чтобы дать друг другу возможность посещать различные собрания и занятия. В Левиттауне, штат Нью-Джерси, насчитывалось по меньшей мере 35 различных организаций. В Парк-Форесте их было не менее 66. В Лейквуде, одном из пригородов Лос-Анджелеса, насчитывалось 110 детских бейсбольных команд, 36 мужских и 10 женских команд, игравших в софтбол, 75 детских и 30 мужских баскетбольных команд, а также 77 команд, игравших в американский футбол. Здесь же действовали кружки танца, собаководства, кулинарии, фотографии, резьбы по дереву, давались уроки катания на роликовых коньках и т. д.

Опросы, проведенные Г. Гансом и Б. Бергером в совершенно различных пригородах, дали одинаковый результат: всего около 30% проживавших принадлежали к какой-либо организации. По данным, полученным Б. Бергером, только 8% являлись членами более чем одного общественного объединения.

[Церковь]

Многие современники поднимали вопросы, связанные с ролью религии и церкви в пригородах. В целом бытовало мнение, что пригороды сыграли решающую роль в “духовном возрождении” Америки, в “возвращении к религии” в послевоенные годы.

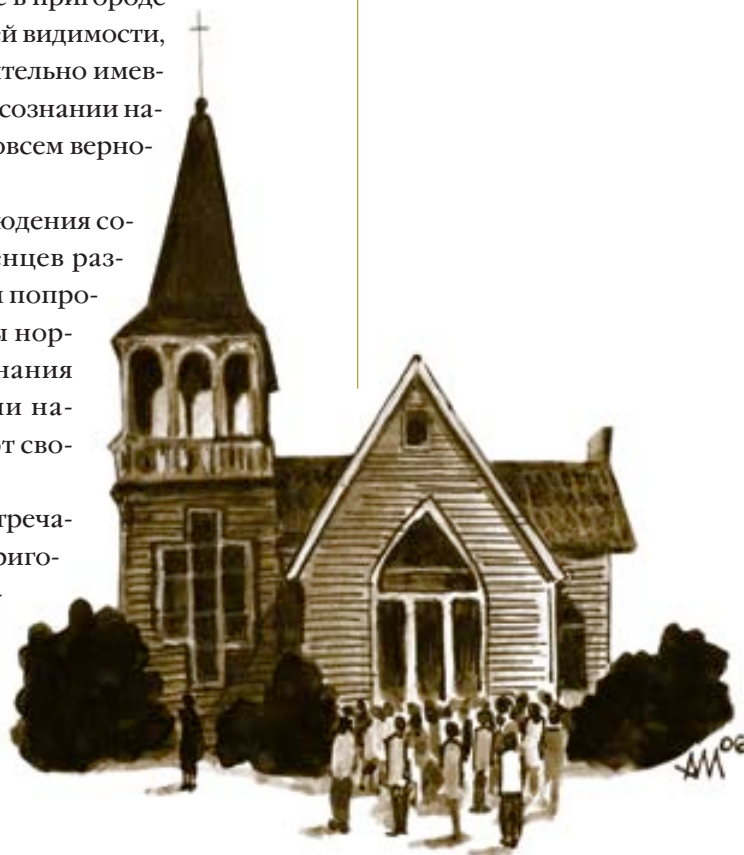
Результаты социологических исследований, однако, были не столь однозначны. Например, в Левиттауне, штат Нью-Джерси, треть жителей сообщили о том, что стали посещать церковь чаще после переезда сюда. В то же время дан-

ные Б. Зиммера и А. Хоули говорят о снижении религиозной активности при переезде в пригород.

Решить это противоречие могут помочь данные опроса Б. Бергера. Только 27% опрошенных сообщили о более частом посещении церкви после переезда в пригород, в то же время 42% казалось, что живущие в пригороде в целом посещают церковь чаще, чем в городе. По всей видимости, мы имеем дело с ситуацией, когда признаки действительно имевшего место процесса несколько преувеличивались в сознании наблюдавших его людей, что вело к складыванию не совсем верного образа в целом.

Интересными и важными представляются наблюдения современников об изменении отношения приверженцев различных религий друг к другу. В новом пригороде им попросту приходилось быть терпимее друг к другу, чтобы нормально жить по соседству. Дома покупались без знания о том, кто будет жить рядом, и переселенцы были настроены принять убеждения и взгляды, отличные от своих собственных.

В сообщениях современников довольно часто встречаются указания на изменение роли священников в пригородах. Здесь они не могли претендовать на права духовных властелинов, дающих строгие предписания. Священнослужители стремились как бы сотрудничать с прихожанами, при этом нередко обеспечивая семейное консультирование, помогали различными способами приспособиться к жизни на новом месте и в новом социальном окружении.

[Местное самоуправление]

В 1950 году У. Левитт, чья фирма в то время возводила первый из трех построенных ею и наиболее знаменитый американский пригород – Левиттаун на Лонг-Айленде близ Нью-Йорка, в одном из своих выступлений так описывал радость обеспечения людей домами: “С течением времени видишь, какое направление принимает их жизнь. Видишь превращение городского квартиросъемщика в гордого сельского домовладельца. Наблюдаешь его глубокий интерес и активное участие в местном управлении. Наблюдаешь, как он коренным образом преобразуется, как происходит возрождение человека... у которого есть собственный кусочек хорошей земли, собственная доля света, воздуха и солнца”.

Уже в конце рассматриваемого периода журнал “Time” цитировал слова члена совета управляющих одного из пригородов: “Американский пригород является последним аванпостом демократии. Это единственный оставшийся уровень, на котором отдельный гражданин может добиться, чтобы его желания находили отклик прямо и незамедлительно”.

При этом круг вопросов, волновавших жителей пригородов, был обусловлен их каждодневными потребностями и интересами. Сюда относились, например, проблемы уборки мусора и отходов, улучшение работы других коммунальных

служб, качество образования в муниципальных школах. Среди факторов, способствовавших большему участию, называлось повышенное внимание, с которым пригородные домовладельцы следили за налоговой ситуацией. Для них эта проблема получала конкретное выражение в виде сумм, выплачиваемых ими самими, а не лендлордом из выручки от арендной платы.

Результаты опроса переезжавших на жительство в Левиттаун, штат Пенсильвания, проведенного Г. Гансом, автором одного из наиболее подробных социологических исследований конкретного пригорода, показывали, что переселенцы ожидали от пригородов больших возможностей для участия в управлении. Пятьдесят пять процентов из них думали, что “будут иметь голос в делах коллектива”. Сорок пять процентов были готовы активно работать в объединениях жителей над решением проблем населенного пункта.

Те же ожидания отмечал и политолог Роберт Вуд, ставший к концу периода признанным авторитетом в области пригородной политики. Переселение в пригороды он рассматривал в первую очередь как проявление поиска тесной общины, способа возвращения к корням. Одним из главных достоинств пригорода, притягивавших к себе переселенцев, являлась “чистота” политической организации этих населенных пунктов. Здесь переселенцы надеялись обрести большую долю участия в управлении своим населенным пунктом, контроль за происходящими событиями и процессами.

[Общественно-политическая индифферентность]

Не все разделяли мнение о большей политической активности в пригородах. Тем более не было единства в способах интерпретации, в идеях, для подтверждения которых использовали факты в своих работах участники дискуссии.

У. Уайт, например, говорил о том, что жизнь в пригородах нередко позволяла их молодым жителям брать на себя обязанности и ответственность, которые в других местах, будь то крупный городской центр, традиционный городок или деревня, лежали на плечах более старшего поколения. Значение политических битв локального характера он видел в том, что они были школой лидерства и борьбы за выживание в мире большой корпоративной организации для нового поколения служащих-карьеристов. Таким образом, У. Уайт вписывал наблюдения относительно политической активности жителей пригородов в свою общую концепцию пригорода как места жизни и господства ценностей “человека организации”.

Нельзя обойти вниманием взгляды Д. Рисмена, который в целом во многом соприкасается с У. Уайтом в анализе поведения управленцев, работающих по найму в большой организации. Внешние проявления политической активности человека, ориентированного извне, на мнение других были для Д. Рисмена лишены смысла, ведь по сути своей такой человек пассивен, он – всего лишь “мыслящая марионетка, терпеливо наблюдающая за нитями, которые ею двигают, и не допускающая, чтобы эти нити задевали ее сердце”. Политика для такого типа личности, по Д. Рисмену, служит лишь средством конформизма. Для молодого представителя высшего среднего класса политика сродни гольфу или другому хобби. В ней он находит способ исполнения своей социальной роли, при том что она является также приятным времяпрепровождением, достойным бизнесом и способом встретить интересных людей.

Другим критиком пригородной местной политики – и, пожалуй, одним из самых глубоких – являлся Р. Вуд. Он указывал на то, что субурбанизация скорее приносила вред, нежели пользу демократической организации общества. С одной стороны, крепкие бюргеры покидали города, обрекая политический процесс там на превращение в схватку двух полюсов – бедных и богатых. С другой стороны, и пригороду переселенцы, работавшие в городе, по большому счету, не принадлежали, они не становились полноценными гражданами.

В конце своего труда по пригородной политике Р. Вуд обращается к “чистой” теории, к идеальному образу политического процесса в пригороде. Показательно, что даже на теоретико-гипотетическом уровне Р. Вуд не видел возможности для жителей современного пригорода следовать идеалу прямого участия в решении всех вопросов – на это у них не останется ни времени, ни сил. На практике же управление в пригороде отдавалось на откуп экспертам, нанимаемым муниципалитетом, старожилам, коммерсантам и торговцам недвижимостью, имевшим непосредственные деловые интересы в населенном пункте, а также женским организациям. На деле, утверждал Вуд, позицию большинства жителей можно было охарактеризовать как индифферентность. Она, в частности, проявлялась в низком уровне активности на местных выборах.

[Пригороды и большая политика]

[Поддержка республиканцев в пригородах]

Пригородные избирательные округа издавна были оплотом республиканской партии в США. Неудивительно, что многие обозреватели проводили связь между ростом пригородов и усилением позиций республиканской партии, которое наблюдалось в рассматриваемый период. Характерной является реакция на итоги президентских выборов 1952 года, по результатам которых Д. Эйзенхауэр стал президентом.

[Смена политической ориентации на консервативную: теория конверсии]

Положение об активном влиянии пригородной среды как таковой на политические предпочтения избирателей быстро утвердилось среди обозревателей, писавших о политике и пригородах, а затем подверглось анализу и критике со стороны ряда обществоведов и долгое время оставалось в центре дискуссии. В публикациях научного толка эта идея называлась “теорией конверсии”.

Табл. 2. Процент голосов, отданных за кандидатов демократической и республиканской партий на президентских выборах 1952 и 1956 годов в СМСА с населением более 1 миллиона человек[❖]

	1952 год		1956 год	
	Эйзенхауэр	Стивенсон	Эйзенхауэр	Стивенсон
Города	44,9	55,1	48,2	51,8
Пригороды	59,1	40,9	62,2	37,8
Всего по стандартным метрополитенским статистическим ареалам	51,8	48,2	55,6	44,4

❖ Источник: Scammon R. M. Voting for President in the Larger Metropolitan Areas, 1952–1956 // Midwest Journal of Political Science. 1957. P. 331.

Чем же объясняли смену политической ориентации занимавшиеся данной проблемой комментаторы? Основные причины конверсии, упоминавшиеся в той или иной комбинации в различных работах, как это ни парадоксально, наиболее емко были суммированы противниками теории конверсии Дж. Миллетом и Д. Питтманом, авторами статьи “Новый пригородный избиратель”: во-

первых, это стремление переселенцев в пригороды соответствовать образу членов добропорядочного среднего класса; во-вторых, влияние факта владения домом с вытекающей отсюда заботой о налогах на недвижимость и большим консерватизмом; наконец, в-третьих, сила уже существовавших партийных организаций республиканцев в пригородах при слабости демократов.

Среди крупных политологических работ, в которых обосновывалась теория конверсии, одной из самых ранних была книга Луиса Харриса “Есть ли республиканское большинство?”, появившаяся в 1954 году. Автор обращал внимание на политическую важность новых “белых воротничков”, по преимуществу живущих в пригородах. Политолог отмечал, что значительную часть новых “белых воротничков” составляли дети иммигрантов в третьем–четвертом поколении. Теперь они во всем стали похожими на представителей старых американских семей, наравне участвовали во всех сферах жизни, в том числе и в политике.

Именно конверсия, по У. Уайту, объясняла тот факт, что, несмотря на приток демократов из города, республиканское большинство в пригородах оставалось непоколебимым. В 1952 году за Д. Эйзенхауэра голосовали 66% в Левиттауне на Лонг-Айленде и 69,4% в Парк-Форесте. Голосование за республиканцев У. Уайт считал неотъемлемой частью модели поведения “человека организации”, конторского управляющего, живущего на зарплату, который задавал тон в пригороде. От него эта черта наряду с другими особенностями поведения передавалась остальным жителям – тем, кто ранее к среднему классу не принадлежал. Скорость, с которой менялось политическое поведение, была обусловлена тем, что “принадлежность к демократам – это часть среды, которую вновь прибывшие желали оставить позади, и настраиваясь на ценности коллектива, в который им теперь хотелось влиться, они быстро обнаруживали, что добиться «принятия», если использовать любимое слово пригорода, труднее, когда упорствуешь, упрямо следуя тому, что другие рассматривают как привычку более низких классов”.

[Споры о преобразующем влиянии пригорода на политическое поведение: теория трансплантации]

Распространение идей о преобразующем влиянии пригорода на политическое поведение в значительной мере спровоцировало появление научных работ, в которых обосновывались альтернативные концепции, которые было принято объединять общим термином “теория трансплантации”. Это название отражает главную идею, которая состоит в том, что партийные предпочтения переносят-

Одним из главных достоинств пригорода, притягивавших к себе переселенцев, являлась “чистота” политической организации этих населенных пунктов. Переселенцы надеялись обрести здесь большую долю участия в управлении своим населенным пунктом, контроль за происходящими событиями и процессами

ся мигрантами, так как политические взгляды теснее связаны с людьми, их выражающими, нежели с местом проживания.

В 1958 году Джон Миллет и Дэвид Питтман опубликовали результаты анализа данных голосования на местных, штатских и национальных выборах и опроса, проведенного в двух пригородных населенных пунктах в пределах графства Монро, штат Нью-Йорк. Они не нашли подтверждения распространенному мнению, согласно которому пригородная среда как таковая является фактором, влияющим на политическую ориентацию. Статья добавляла аргументов в копилку тех, кто считал, что пригороды всего лишь олицетворяют концентрацию других однородных факторов, таких как классовый статус.

Джером Манис и Лео Стайн на страницах “Public Opinion Quarterly”, также утверждали что “по сравнению с важностью политического климата, занятиями и религией пригородное место жительства кажется само по себе не имеющим политического значения”. Их статья была основана на изучении одного из пригородов города Каламазу, штат Мичиган. Отсутствие влияния пригородного проживания Дж. Манис и Л. Стайн объясняли поверхностностью контактов в пригородах – их жители не приобретали здесь настоящих корней, не чувствовали себя частью коллектива, общины. Трое из четырех никогда или лишь редко обсуждали политику с соседями. Половина опрошенных не знали, как голосует большинство соседей.

Результаты опроса, проведенного Б. Бергером среди рабочих, переселившихся из крупного городского центра в пригород в связи с передислокацией их завода, свидетельствовали о сохранении политических пристрастий. Большинство рабочих по-прежнему голосовали за демократов. Доля голосовавших за демократов в общей массе опрошенных даже увеличивалась: в 1948 году – 50%, в 1952-м – 53%, в 1956-м – 64%. Согласно выводам автора, главным фактором при определении политической позиции оставалась идентификация голосовавших с культурой рабочего класса, а не воздействие нового типа расселения. По мнению Б. Бергера, в целом уместнее было говорить не о распространении пригородного образа жизни на различные социальные слои, а о распространении образа жизни различных классов на новые пригородные территории. Образ жизни рабочих не был исключением и переносился в пригороды вместе с переездом рабочих семей из города.

Принимая во внимание эти наблюдения, стоит подчеркнуть, что базовой предпосылкой для распространения теории конверсии было хронологическое совпадение усиления республиканцев на политической арене США с бурным ростом пригородов.

[Разнообразие и однородность пригородов]

Одним из важнейших мотивов дискуссии о пригородах и партийной политике, все ярче оформлявшихся к концу рассматриваемого периода, являлось признание разнообразия политического поведения в пригородной зоне. Постепенно размывался образ пригородов как единой и по преимуществу консервативно настроенной массы. Проживание в пригороде само по себе в возрастающем количестве публикаций не рассматривалось как фактор, определявший партийную ориентацию.

Э. Джаносик ранее других подметил важность различий внутри пригородной жилой зоны. Он писал о том, что некоторые пригороды даже по плотности населения не отличались от городов, и призывал к более глубокому изучению различий внутри пригородов, для того чтобы понять их политическое поведение, столь важное для национальной политики в силу роста пригородного населения.

Э. Банфилд говорил о том, что большинство пригородов заселены средним и высшим классом. Однако еще недавно модные пригороды порой превращаются в трущобы или полутрущобы. Кроме того, имеется много промышленных пригородов, особенно на северо-востоке страны. Современное движение населения все больше выравнивает социально-классовый состав урбанизированного пространства за счет переселения в пригороды представителей более низких классов из городов и сельских районов. Э. Банфилд писал, что “разбавление касается пригородного «кольца» в целом: каждый отдельный пригород может сохранять достаточно однородный характер, тогда как характер кольца в целом изменяется”.

Профессор Гарвардского университета Валдимер Кей, приведя факты, иллюстрирующие быстрый рост республиканских голосов на президентских выборах 1948 и 1952 годов за счет пригородов, и изложив положения теории конверсии, все же добавлял: “Более пристальное изучение пригородов вызывает вопрос, является ли субурбанизация наиболее подходящим объяснением тех фундаментальных изменений политической значимости, которые, без сомнения, происходят в американском обществе. Есть одни пригороды и есть другие пригороды: рабочие пригороды, пригороды среднего класса и, без сомнения, некоторое количество традиционных пригородов высшего класса, призванных служить изящной жизни. Некоторые растущие пригороды становятся более демократическими, в других республиканцы сохраняют свои позиции или укрепляют их”. Эти изменения сходны с теми, что происходят в городах, и связаны, по мнению автора, прежде всего со сдвигами в уровне дохода, роде занятий, “окультуривании” недавних иммигрантов.

Р. Вуд назвал целый ряд проблем, в силу которых прийти к однозначным выводам в отношении влияния пригородной миграции на партийную политику было достаточно затруднительно. На основании информации, имевшейся в его распоряжении, Р. Вуд все же делал один вывод смело. Для него налицо была тенденция к политической однородности внутри каждого отдельного пригорода, сходная с наблюдавшейся здесь социальной и экономической однородностью, при растущем политическом разнообразии пригородов в целом. При этом Р. Вуд не делал окончательного вывода в отношении веса конверсии или трансплантации: “Если главной мотивацией индивида является ассимиляция, однородность появляется путем конверсии. Если преобладает желание найти себе подобных, однородность является результатом трансплантации”. В любом случае результатом были растущие политические различия между пригородами, более широкий спектр избирательного поведения в пригородной зоне проживания.

[Беспартийность пригородов]

Р. Вуд настаивал на разграничении между беспартийностью пригородов и однопартийностью, которая встречается и в других типах населенных пунктов. Отличительной чертой пригородной политики, по Р. Вуду, являлось прежде

всего резкое неприятие самой возможности глубокого и длительного раскола населения, создания обособленных групп для решения общих проблем. В результате в пригородах не было места политическим боссам. Лидеры партийных организаций, которые безусловно существовали, как правило, избегали участия в чисто местных делах – их оценивали по тому, как они могли отстоять интересы муниципалитета на более высоких уровнях управления. В качестве показательного примера Р. Вуд рассказывал о республиканском пригородном лидере в Нью-Джерси Ричарде Д. Бейкере, который настаивал на том, чтобы назначения на муниципальные должности делались без учета партийной принадлежности, в отличие от уровня графства или штата.

Современный исследователь историк Пол Маттингли также указывает на беспартийность как главную черту пригородной идеологии. Он даже считает, что беспартийная идеология является более важной, нежели экономические и технические факторы, в объяснении “фетишистской приверженности Америки пригороду”.

П. Маттингли базирует свои далеко идущие выводы на изучении пригорода Нью-Йорка Леония, штат Нью-Джерси, где с 1939 по 1972 год действовала организация “Гражданская конференция”, которая объединяла представителей различных добровольных местных ассоциаций и производила отбор кандидатов на местные должности без учета партийной принадлежности, в результате чего на выборах не было соревнования кандидатов. ■